

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2022.37.79.044

К вопросу определения особенностей состояния беспомощности потерпевшего: проблемы возмещения вреда**Шикула Ильмира Рифкатьевна**

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права,
Российский государственный университет правосудия;
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Институт права и управления,
Московский городской педагогический университет,
123022, Российская Федерация, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4;
e-mail: i.shikyla@mmu.ru

Мядзелец Ольга Александровна

Судья второго кассационного суда общей юрисдикции Окружного суда,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права,
Российский государственный университет правосудия,
117418, Российская Федерация, Москва,
ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: myshkin.o@mail.ru

Хабалев Валерий Дмитриевич

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: hvd@rambler.ru

Аннотация

В уголовном законе понятие «состояние беспомощности потерпевшего» довольно широко используется, но концептуально не определяется, при этом позиции законодателя и Верховного Суда РФ по вопросу содержания указанного оценочного признака не совпадают. В отечественной науке уголовного права также ведется оживленная дискуссия относительно предметного содержания признака беспомощности, оптимальных механизмов возмещения вреда данной категории лиц. Авторами рассматриваются актуальные проблемы определения понятия и особенностей состояния беспомощности потерпевшего. Юридическая наука не содержит четкого и однозначного понятия

«беспомощное состояние потерпевшего», которое имеет уголовно-правовую и криминологическую значимость, не содержит четких критериев его оценивания, что создает определенные противоречия в квалификации преступных деяний в правоохранительной деятельности, ключевые особенности возмещения вреда данной категории лиц, пострадавших от преступлений. Беспомощное состояние потерпевшего рассматривается автором, как уголовно-правовой феномен, характеризующий неспособность лица в силу объективных или субъективных причин осознавать сущность совершаемых в отношении него общественно опасных действий или оказывать адекватное сопротивление при ее полном или неполном осознании. Беспомощному потерпевшему необходимо обеспечить восстановление его прав, в том числе представить адекватную причиненному ему вреду как имущественную (материальную), так и неимущественную (моральную) компенсацию во всех случаях совершения преступлений.

Для цитирования в научных исследованиях

Шикула И.Р., Мядзелец О.А., Хабалев В.Д. К вопросу определения особенностей состояния беспомощности потерпевшего: проблемы возмещения вреда // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 9А. С. 331-340. DOI: 10.34670/AR.2022.37.79.044

Ключевые слова

Потерпевший, беспомощное состояние, насильственные преступления, квалификация, дифференциация беспомощного состояния потерпевшего, возмещение вреда.

Введение

В уголовном законе понятие «состояние беспомощности потерпевшего» довольно широко используется, но концептуально не определяется, при этом позиции законодателя и Верховного Суда РФ по вопросу содержания указанного оценочного признака не совпадают [Балашов, 2016]¹.

В отечественной науке уголовного права также ведется оживленная дискуссия относительно предметного содержания признака беспомощности, оптимальных механизмов возмещения вреда данной категории лиц.

Состояние беспомощности потерпевшего и вопросы возмещения вреда

Ученые достаточно часто отождествляют беспомощное состояние с наличием реальной угрозы для жизни, здоровья или иных прав и законных интересов потерпевшего в момент совершения преступления [Новое уголовное право, 2016], которая возникает вследствие

¹ В подтверждение можно указать на Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» от 3 марта 2015 г. № 9, исключившее из постановления «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указание на малолетний возраст, как пример состояния беспомощности. Подробнее об этом, см.: Балашов С.М. Состояние беспомощности потерпевшего в уголовном праве России. М., 2016.

положения человека, в котором он оказывается в момент начала совершения преступных действий в отношении него, при этом некоторые авторы используют логическую связку «беспомощное, бессознательное или аналогичное состояние потерпевшего» [Карабут, 2004, 140]. Достаточно интересен и подход, в соответствии с которым в структуре беспомощного состояния выделяется и беззащитность (отсутствие возможности принять меры к самосохранению) [Давтян, 2006].

Заслуживает внимания и позиция, в соответствии с которой беззащитность не тождественна беспомощному состоянию, поскольку характеризует «иной по своей природе круг юридически значимых ситуаций», тогда как бессознательное состояние является компонентом беспомощного состояния [Балашов, 2015, 70].

Сторонники другой точки зрения полагают, что ключевым моментом для определения признаков беспомощного состояния является субъективное осознание преступником неспособности оказания потерпевшим сопротивления и субъективное осознание потерпевшим своего бессилия, невозможности противостоять криминальной агрессии [Дементьев, 1999, 43]. В том числе, одним из критериев определения беспомощного состояния выступает осознаваемая преступником невозможность осуществить субъективное право на необходимую оборону [Байков, 2003, 65]. В развитие данного тезиса логично дополнить его и положением о неспособности потерпевшего иным способом избежать общественно опасного посягательства.

Определенный интерес вызывает научная позиция, основанная на том, что существуют две различные теоретические конструкции беспомощного состояния: 1) применительно к насильственным сексуальным преступлениям, и 2) применительно к насильственным преступлениям против жизни и здоровья личности [Исаев, 2015]. Однако в данном случае можно возразить, что признаки беспомощного состояния (или подобные им) установлены и в составах преступлений с иными непосредственными и видовыми объектами (похищение человека, торговля людьми, захват заложника и др.)

Наиболее упрощенный подход построен вокруг констатации того обстоятельства, что в беспомощном состоянии потерпевший не способен оказать противодействия лицу, совершающему в отношении него преступление [Безручко, 2019, 45]. Отчасти он пригоден для того, чтобы провести классификацию признаков, характеризующих поведение потерпевшего и обстановку совершения преступления, выделив в отдельную классификационную ячейку характеристику состояния потерпевшего в момент совершения преступления [Шикула, 2010, 23].

Наличие широкого диапазона доктринальных подходов к определению состояния беспомощности позволяет заключить, что при несбалансированном соотношении нормативного и правоприменительного толкования имеющиеся пробелы могут быть восполнены при квалификации конкретных посягательств за счет теоретических разработок.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с верным утверждением Т.А. Плаксиной, заметившей, что «...беспомощное состояние нельзя превращать в безразмерную категорию и подменять неспособность лица оказать активное сопротивление неспособностью оказать эффективное сопротивление...» [Плаксина, 2000, 43].

Исходя из изложенного, беспомощное состояние можно определить, как *уголовно-правовой феномен, характеризующий неспособность лица в силу объективных или субъективных причин осознавать сущность совершаемых в отношении него общественно опасных действий или оказывать адекватное сопротивление при ее полном или неполном осознании.*

Закономерным последствием беспомощного состояния выступает отсутствие у лица реальной возможности оказать адекватное общественной опасности посягательства сопротивления или же вообще отсутствие восприятия совершаемых в отношении него действий как преступных.

Нахождение потерпевшего в естественных психофизиологических условиях, исключающих возможность активного сопротивления (например, во сне), а равно в условиях, явившихся следствием ранее совершенных в отношении него действий (например, при связывании, опаивании лекарственными препаратами, принудительном погружении в гипнотический транс), по ряду признаков сходны с беспомощным состоянием. В этой связи, хотя ни закон, ни правовые позиции высших судов однозначно не включают эти условия в структуру беспомощного состояния, они должны подвергаться тщательному анализу во взаимосвязи с иными объективными и субъективными признаками совершения конкретного преступления.

Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу о том, что беспомощное состояние может быть безусловным, определяющимся возрастными, физическими или психическими особенностями потерпевшего, и условным, характеризующим его текущее положение (сон, временное отключение сознания, ограничение физической подвижности). Во взаимосвязи с тем, в какой степени данное состояние охватывалось умыслом виновного и как именно облегчило ему совершение преступления, последнее может быть квалифицировано как посягательство на специального потерпевшего, который находится в беспомощном состоянии.

Резюмируя изложенное, согласимся с тем, что критерии оценки психической, физической и психофизиологической беспомощности могут быть различными [Ситковский, Шикула, Шумейко, 2014, 96], но при этом они нуждаются в законодательной и правоприменительной унификации.

В правовой доктрине выдвинута заслуживающая поддержки гипотеза о том, что уголовное право нуждается в самостоятельном понятии потерпевшего от преступления, отличающемся от уголовно-процессуального [Дедюхина, 2008, 7]. Кроме того, более сорока лет назад уже было сформулировано предложение об использовании для характеристики гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений термина «пострадавший», а для уголовно-правовых и уголовно-процессуальных – «потерпевший» [Красиков, 1976, 38]. Действительно, в ст. 42 УПК РФ статус потерпевшего определен с учетом приобретаемых при привлечении к участию в деле прав и обязанностей. Уголовный закон чаще всего оперирует термином «лицо», обогащая его особыми характеристиками (в том числе, лицо, находящееся в беспомощном состоянии).

Рассуждая в данном направлении, ученые избирают три основных приема. Первый базируется на синонимичном использовании терминов «пострадавший», «потерпевший», «жертва преступления» [Дубошин, 2009]. Второй – на том, что признание потерпевшим – это соответствующий процессуальный акт, совершаемый уполномоченным субъектом после обращения лица с заявлением о преступлении, тогда как категория «жертва» является более широкой, отражающей и момент совершения преступления [Варчук, 2008]. Третий – на том, что учение о жертве преступления составляет часть предмета науки криминологии (виктимологии), тогда как характеристики потерпевшего (пострадавшего) имеют как уголовно-правовую, так и уголовно-процессуальную природу [Мартыненко, 2015]. Иными словами, указанные понятия являются однопорядковыми, но не тождественными.

Как представляется, последняя из позиций наиболее точно отражает необходимость терминологического уточнения носителя беспомощного состояния.

Термин «жертва» представляется недостаточно корректным, поскольку является

устоявшимся компонентом криминологической и виктимологической характеристик (в основу данного понятия положена, в том числе, потенциальная уязвимость, субъективная приобретенная способность лица пострадать от преступных действий) [Емельянов, 2013]. В уголовно-правовом смысле уязвимость не может быть нормативно отражена, поскольку до ретроспективного познания события уже совершенного преступления это невозможно, а объективно отразить представления о ней в правовой норме было бы неправильно, поскольку в противном случае уголовный закон защищал бы две категории лиц: «уязвимых» и иных («потенциально уязвимых», «неуязвимых» и пр.).

Далее, термин «лицо», используемый, в том числе, в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также в нормативной характеристике иных посягательств на граждан, находящихся в беспомощном состоянии, представляется в целом пригодным, поскольку его содержание охватывает всех людей без исключения, и это соответствует универсальному принципу юридического равенства.

Однако его использование не унифицировано: например, в ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132 УК РФ законодатель зафиксировал конструкции «использование беспомощного состояния потерпевшей», «использование беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)». Если в ст. 131 УК РФ охраняются половая свобода и половая неприкосновенность только лиц женского пола, то в ст. 132 – представителей обоих полов, поэтому возникает вопрос о том, в какой степени необходимы эти уточнения, и почему в ст. 132 УК РФ законодатель не ограничился словом «лицо».

Думается, что ответ на данный вопрос лежит в плоскости отказа от тавтологичного употребления слов в юридической лексике. Так, в характеристике составов изнасилования и насильственных действий сексуального характера законодатель использовал признак применения насилия (или угрозы его применения) не только к лицу, на половую свободу или неприкосновенность которых совершается посягательство, но и к другим лицам. В характеристике составов убийства, умышленного причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, истязания, принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации вред причиняется только одному конкретному потерпевшему. При этом он может находиться в беспомощном состоянии, но для конструктивного описания объема посягательства законодатель ограничился использованием слова «лицо».

Таким образом, глубинные противоречия между категориями «лицо, находящееся в беспомощном состоянии» и «потерпевший, находящийся в беспомощном состоянии» отсутствуют. Они могут быть рассмотрены как тождественные, но в целях внутренней унификации уголовно-правовых норм, а также усиления внешней сбалансированности правового регулирования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, возникает потребность во введении в нормативный оборот единого понятия.

С учетом того обстоятельства, что в уголовно-процессуальных отношениях, производных от факта совершения преступления, используется термин «потерпевший», полагаем необходимым применять его и в нормах уголовного закона. Потерпевший выступает относительно самостоятельным субъектом охранительного уголовного правоотношения [Пикуров, Шикула, 2015], и в этом качестве его понятие нуждается в нормативном закреплении.

Подводя итог, необходимо заключить, что комплексное философское, психологическое и правовое определение потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, требует отражения ряда характеристик.

В юридической литературе активно обсуждаются и пути решения проблемы возмещения беспомощному потерпевшему вреда. Право потерпевшего на возмещение причиненного

преступлением вреда – его неотъемлемое право, «один из важнейших показателей правосудия» [Хохряков, 2000, 506]. По мнению В.Е. Батюковой принцип «*restitutio in integrum*, выражающийся в полном восстановлении в первоначальном виде прав и законных интересов потерпевшего, ущемленных в результате совершения преступного деяния» должен главенствовать в целях надлежащего обеспечения прав и законных интересов потерпевшего [Батюкова, 1995, 14]. Об устранении и возмещении причиненного материального и морального вреда потерпевшему пишет Т. В. Кленова [Кленова, 2001, 53].

Анализ норм УК РФ показал, что понятием «вред» законодатель обозначает нематериальные последствия преступления, например, физический вред, причиненный здоровью человека, в то время как понятие «ущерб» применяется в основном для определения материальных последствий преступления. Термин «вред», многократно встречающийся в законе, не включен в ст. 5 УПК и не расшифрован в ней в числе основных понятий. Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ возмещению подлежит физический, имущественный, моральный вред.

Зачастую законодатель, используя термин «вред», не дает его определения, при этом вред рассматривается как родовое понятие, охватывающее ущерб, т.е. стоимостную оценку вреда, который является частью убытков. На основании п.1 ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которое лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб). Из этого следует, что вред является понятием более широким, чем убытки, а убытки шире, чем ущерб. Таким образом, правовая категория «вред» является наиболее широкой, охватывающей как имущественные, так и неимущественные (вред личности, например, физический, моральный) последствия преступления. Реальное возмещение вреда потерпевшему редкость российского уголовного судопроизводства. Более часто в уголовном процессе решаются вопросы относительно имущественного вреда.

Возмещение вреда потерпевшему уходит своими корнями далеко в историю российского уголовного права, представляя собой «средство восстановления справедливости», в отличие от наказания эта мера не содержит в себе карательной направленности, а является уголовно-правовой мерой компенсационного (восстановительного) характера [Павлова, 2011, 15].

Полагаем, данная мера должна быть законодательно установленной первостепенной, важнейшей, доминирующей над всеми другими обязанностями обязанностью лица, причинившего своим деянием тот или иной вред потерпевшему, исполнение которой должно быть гарантировано государством. Только назначением наказания виновному невозможно достичь восстановления социальной справедливости. В первую очередь, беспомощному потерпевшему лицу необходимо обеспечить восстановление его прав, в том числе представить адекватную причиненному ему вреду как имущественную (материальную), так и неимущественную (моральную) компенсацию во всех случаях совершения преступления.

Полагаем, что определить факт причинения неимущественного вреда в виде страданий возможно в ходе психологической экспертизы, поскольку «страдания» являются предметом исследования в психологии.

Кроме того, при определении наличия страданий потерпевшего необходимы введение психологического и юридического критериев причинения потерпевшему неимущественного вреда.

К психологическому критерию следует отнести осознание потерпевшим лицом нарушения его прав и ухудшение в связи с этим его психического здоровья, а к юридическому критерию размер затрат, необходимых для восстановления психического здоровья потерпевшего до

исходного уровня (до момента осознания потерпевшим факта нарушения его прав).

Такой подход на практике позволит объективизировать в уголовном процессе субъективную оценку наличия неимущественного вреда и определить размер денежной компенсации, необходимой для его восстановления.

Заключение

Таким образом, беспомощное состояние потерпевшего рассматривается автором, как *уголовно-правовой феномен, характеризующий неспособность лица в силу объективных или субъективных причин осознавать сущность совершаемых в отношении него общественно опасных действий или оказывать адекватное сопротивление при ее полном или неполном осознании.*

Беспомощному потерпевшему необходимо обеспечить восстановление его прав, в том числе представить адекватную причиненному ему вреду как имущественную (материальную), так и неимущественную (моральную) компенсацию во всех случаях совершения преступлений.

Библиография

1. Балашов С.М. Состояние беспомощности потерпевшего в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 70.
2. Безручко Е.В. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 2019. С. 145.
3. Варчук Т.В. Учение о жертве преступления // Юридическая психология. 2008. № 4. С. 11-13.
4. Давтян Д.В. Некоторые вопросы к понятию беспомощного состояния // Вестник Волгоградского государственного университета им. В.Н. Татищева. 2006. № 8. С. 142-147.
5. Дедюхина И.Ф. Проблемы установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7.
6. Дементьев С.В. Понятие беспомощного и бессознательного состояния // Российская юстиция. 1999. № 4. С. 43.
7. Дубошин А.В. Защита лиц с отклоняющимся поведением, которые пострадали от насильственных преступлений // Адвокатская практика. 2009. № 4. С. 35-37.
8. Емельянов И.Л. Виктимность и виктимизация: понятие, виды, проблемы профилактики // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 1. С. 241-245.
9. Исаев Н.А. Жертва преступления в беспомощном состоянии: состояние законодательства и вопросы правоприменительной практики // Евразийский юридический журнал. 2015. № 2. С. 162-163.
10. Кленова Т.В. Уголовно-правовые гарантии прав потерпевшего // Научные труды РАЮН. 2001. № 1. Т. 2. С. 53.
11. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976. С. 38.
12. Маляев К.В. Уголовно-правовая охрана жизни: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 92.
13. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 58-60.
14. Павлова А.А. Возмещение причиненного ущерба (ст. 104 УК РФ) как иная мера уголовно-правового характера // Молодой ученый. 2011. № 4. Т. 2. С. 15.
15. Плаксина Т.А. Уголовная ответственность за убийство. Часть 2. Квалифицированные виды убийств со специальным потерпевшим (п. «а» - «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Барнаул, 2000. С. 43.
16. Пикуров Н.И., Шикула И.Р. Уголовно-правовая охрана прав, свобод и законных интересов лиц, находящихся в беспомощном состоянии, от насильственных преступлений. М., 2015. С. 17.
17. Расторопов С.В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2003. С. 15.
18. Ситковский А.Л., Шикула И.Р., Шумейко С.Г. Виктимологическая профилактика насильственных преступлений в отношении лиц пожилого возраста. М., 2014. С. 96.
19. Шикула И.Р. Потерпевший от насильственных преступлений: уголовно-правовые и виктимологические аспекты. М., 2010. С. 23.

**On the issue of determining the features of the victim's helplessness:
problems of compensation for harm**

Il'mira R. Shikula

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law,
Russian State University of Justice;
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines,
Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University,
129226, 4, 2nd Selskokhozyaystvennyi driveway,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: i.shikyla@mmu.ru

Ol'ga A. Myadzelets

Judge of the Second Cassation Court of General Jurisdiction
of the District Court,
PhD in Law,
Lecturer of the Department of Criminal Law,
Russian Academy of Justice,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: myshkin.o@mail.ru

Valerii D. Khabalev

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Northwest Institute (branch),
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: hvd@rambler.ru

Abstract

In the criminal law, the concept of “the state of helplessness of the victim” is quite widely used, but is not conceptually defined, while the positions of the legislator and the Supreme Court of the Russian Federation on the content of this evaluative attribute do not coincide. In the domestic science of criminal law, there is also a lively discussion regarding the subject content of the sign of helplessness, the optimal mechanisms for redressing harm to this category of persons. The authors consider topical problems of defining the concept and features of the state of helplessness of the victim. Legal science does not contain a clear and unambiguous concept of “the helpless state of the victim”, which has criminal legal and criminological significance, does not contain clear criteria for its assessment, which creates certain contradictions in the qualification of criminal acts in law enforcement, key features of compensation for harm to this category of persons, victims of crime. The helpless state of the victim is considered by the author as a criminal law phenomenon that

characterizes the inability of a person, due to objective or subjective reasons, to realize the essence of the socially dangerous actions committed against him or to provide adequate resistance with its full or incomplete awareness. It is necessary for the helpless victim to ensure the restoration of his rights, including providing adequate to the harm caused to him both property (material) and non-property (moral) compensation in all cases of crimes.

For citation

Shikula I.R., Myadzelets O.A., Khabalev V.D. (2022) K voprosu opredeleniya osobennostei sostoyaniya bespomoshchnosti poterpevshego: problemy vozmeshcheniya vreda [On the issue of determining the features of the victim's helplessness: problems of compensation for harm]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (9A), pp. 331-340. DOI: 10.34670/AR.2022.37.79.044

Keywords

Victim, helpless state, violent crimes, qualification, differentiation of the helpless state of the victim, compensation for harm.

References

1. Balashov S.M. (2015) *Sostoyanie bespomoshchnosti poterpevshego v ugovnom prave Rossii. Doct. Dis.* [The state of helplessness of the victim in the criminal law of Russia. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Bezruchko E.V. (2019) *Prestupleniya, posyagayushchie na bezopasnost' zdorov'ya cheloveka: teoretiko-pravovoe issledovanie. Doct. Dis.* [Crimes that infringe on the safety of human health: theoretical and legal research. Doct. Dis.]. Kaliningrad.
3. Davtyan D.V. (2006) Nekotorye voprosy k ponyatiyu bespomoshchnogo sostoyaniya [Some questions to the concept of a helpless state]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volgograd State University], 8, pp. 142-147.
4. Dedyukhina I.F. (2008) *Problemy ustanovleniya i realizatsii ugovnoi otvetstvennosti s uchetom priznakov poterpevshego. Doct. Dis.* [Problems of establishing and implementing criminal liability, considering the signs of the victim. Doct. Dis.]. Moscow.
5. Dement'ev S.V. (1999) Ponyatie bespomoshchnogo i bessoznatelnogo sostoyaniya [The concept of a helpless and unconscious state]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 4, p. 43.
6. Duboshin A.V. (2009) Zashchita lits s otklonyayushchimsya povedeniem, kotorye postradali ot nasilstvennykh prestuplenii [Protection of persons with deviant behavior who have suffered from violent crimes]. *Advokatskaya praktika* [Advocate practice], 4, pp. 35-37.
7. Emel'yanov I.L. (2013) Viktimnost' i viktimizatsiya: ponyatie, vidy, problemy profilaktiki [Victimization and victimization: concept, types, problems of prevention]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University], 1, pp. 241-245.
8. Isaev N.A. (2015) Zhertva prestupleniya v bespomoshchnom sostoyanii: sostoyanie zakonodatel'stva i voprosy pravoprimeritel'noi praktiki [Victim of a Crime in a Helpless State: State of Legislation and Issues of Law Enforcement]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2, pp. 162-163.
9. Klenova T.V. (2001) Ugolovno-pravovye garantii prav poterpevshego [Criminal legal guarantees of the rights of the victim]. *Nauchnye trudy RAYuN* [Scientific works of the Russian Academy of Legal Sciences], 1, 2, p. 53.
10. Krasikov A.N. (1976) *Sushchnost' i znachenie soglasiya poterpevshego v sovetskom ugovnom prave* [The essence and meaning of the consent of the victim in Soviet criminal law]. Saratov.
11. Malyaev K.V. (2006) *Ugolovno-pravovaya okhrana zhizni. Doct. Dis.* [Criminal law protection of life. Doct. Dis.]. Nizhniy Novgorod.
12. Martynenko N.E. (2015) *Ugolovno-pravovaya okhrana poterpevshego. Doct. Dis.* [Criminal legal protection of the victim. Doct. Dis.]. Moscow.
13. Pavlova A.A. (2011) Vozmeshchenie prichinennogo ushcherba (st. 104 UK RF) kak inaya mera ugovno-pravovogo kharaktera [Compensation for damages (Article 104 of the Criminal Code of the Russian Federation) as another measure of a criminal law nature]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 4, 2, p. 15.
14. Plaksina T.A. (2000) *Ugolovnaya otvetstvennost' za ubiistvo. Chast' 2. Kvalifitsirovannye vidy ubiistv so spetsial'nyim poterpevshim (p. «a» - «g» ch. 2 st. 105 UK RF)* [Criminal liability for murder. Part 2. Qualified types of murders with

- a special victim (clause “a” – “g” of the part 2 of article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Barnaul.
15. Pikurov N.I., Shikula I.R. (2015) *Ugolovno-pravovaya okhrana prav, svobod i zakonnykh interesov lits, nakhodyashchikhsya v bespomoshchnom sostoyanii, ot nasil'stvennykh prestuplenii* [Criminal law protection of the rights, freedoms and legitimate interests of persons in a helpless state from violent crimes]. Moscow.
 16. Rastoropov S.V. (2003) *Ugolovno-pravovaya okhrana zdorov'ya cheloveka ot prestupnykh posyagatel'stv. Doct. Dis.* [Criminal legal protection of human health from criminal encroachments. Doct. Dis.]. Ryazan.
 17. Shikula I.R. (2010) *Poterpevshii ot nasil'stvennykh prestuplenii: ugolovno-pravovye i viktimologicheskie aspekty* [Victim of violent crimes: criminal law and victimological aspects]. Moscow.
 18. Sitkovskii A.L., Shikula I.R., Shumeiko S.G. (2014) *Viktimologicheskaya profilaktika nasil'stvennykh prestuplenii v otnoshenii lits pozhilogo vozrasta* [Victimological prevention of violent crimes against the elderly]. Moscow.
 19. Varchuk T.V. (2008) Uchenie o zhertve prestupleniya [The doctrine of the victim of a crime]. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology], 4, pp. 11-13.